

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМАГОГИЯ

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО Л.П. Буева, доктор исторических наук, профессор, помощник ректора Российского государственного торгово-экономического университета Г.В. Саенко. Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

Гуревич П. Один из видных политических деятелей США Джеймс Бейкер характеризуется канадским философом и писателем Джоном Солом как современный технократ, могущий использовать властные рычаги в целях социальной демагогии. Бейкер, по общему мнению, был лишен высоких идей или моральных принципов. В своих действиях этот политик руководствовался стремлением к власти и боязнью ее потерять. В то же время он был мастером закулисных манипуляций, что позволяло человеку системы на все сто использовать власть, которую он аккумулировал в своих руках.

Бейкер стал довольно известным политиком, потому что хорошо владел искусством демагогии. Он считал, что народ не может трезво судить об акциях властителя. Поэтому если врать, обещать и исповедовать мнимое народопоклонство, это всегда гарантирует успех. Объясняя свои удачи, Бейкер подчеркивал, что его стиль — решительные действия в ситуациях, когда другие испытывают сомнения и терзания совести. Иной политик, рассуждал он, топчется у кормушки, как надутая индейка. Хочется корма, но страх сильнее голода. Но тут появляется он, Бейкер, и «делает последний выстрел».

Оценка этого политика в международных кругах была высокой. Поэтому во время оккупации Ираком Кувейта его отправили на значительную руководящую должность. Но тут произошла осечка. Методы упрощенной и изощренной демагогии не имели эффекта. Бейкер испытал горечь позорного поражения. Социальная демагогия — неизменный спутник политической истории. Однако не вполне ясно, обуживается ее сфера в современном мире или, наоборот, становится безмерной. Всесильна ли социальная демагогия?

Хотелось бы обсудить следующие вопросы:

- 1. Что такое социальная демагогия?**
- 2. Каковы ее возможности и пределы?**

1. Что такое социальная демагогия?

Гуревич П. Социальная демагогия стала массовым и отточенным оружием современной власти. Давайте, прежде всего, уточним, что это за феномен и чем он отличается, например, от популизма, от манипулирования общественным сознанием. Понимаю, что речь идет о сходных явлениях, но все-таки, если учесть, что на эти темы написаны сотни теоретических работ, стоит провести определенные демаркации. Тем более, что осмысление этого феномена имеет солидные философские традиции.

Мне кажется, мы сразу должны отметить, что слово «демагог», пришедшее к нам из античной Греции, претерпело в послеантичное время радикальное смысловое преобразование. Это понятие не имело отрицательного оттенка, вот в чем суть. Демагоги действительно выражали интересы народа, стояли на страже его интересов. В античные времена прекрасно знали, что такое тирания. Защищать людей от произвола, правильно обозначать их собственные проблемы — вот к чему стремились демагоги. Между прочим, в Афинах демагоги пользовались массовым успехом, поскольку владели не только красноречьем, но обладали также и государственным умом. В результате они нередко

оказывались вождями, лидерами, правителями. Перикл и Фемистокл, к примеру, имели знатное происхождение и были яркими демагогами в Афинах. Когда, к примеру, Аристотель хотел обозначить свое отношение к вождю, властителю, способному позвать за собой народ, используя такие средства, как речь, поступки или подарки, то он называл его демагогом.

Буева Л. Чуть позже, как я понимаю, власть стала усыновлять это искусство, которое сводилось к тому, чтобы помогать народу. Слово «демагогия» все еще не имело негативно-протестного смысла. Оно в те времена ласкало слух. Ведь демагогами называли тех, кто взял на себя тяжелые и ответственные обязанности — руководить народом. Сегодня мы назвали бы такого управленца «менеджером», но такого слова в античной Греции не было.

Саенко Г. Но было слово «master». Однако оно разнилось от понятия демагогии. Мастер вел поиски, искал пути решения проблем. Но он скорее был теоретиком, а не практиком. Знал, как руководить, но не умел применить свое искусство в реальных общественных процессах. К людям, которые могли, как Одиссей в древнем эпосе, вести за собой людей, относилось слово «кибернетика», то есть «искусство кораблевождения». Итак, это было время поиска лидера.

Гуревич П. О назначении демагогии можно судить по этимологии слова. «Demagogia» — это «руководство народом» («demos» — народ, «ago» — «веду»). Древнегреческая демократия стремилась объяснить людям, ради чего принято то или иное решение власти. А это требовало не только знаний, но и ораторских навыков. Известно, что в античном образовании на первом месте стояла риторика. Сначала научись убеждать людей, воздействовать на них. Потом освой конкретную область знаний. Но без риторического мастерства ты — никто.

Буева Л. Если говорить о предназначении риторики, то, естественно, возник вопрос: не станет ли демагог уклоняться от истины, использовать ораторские приемы во зло, а не во благо. И этот политический вопрос был поднят на философскую высоту. Каково предназначение риторики — она обязана служить истине или, наоборот, обслуживать политические цели? Уже Платон, критикуя софистов, отмечал, что их убежденность в том, будто истина недостижима, таит в себе опасные последствия. Он предостерегал софистов от спешной оценки того или иного решения как истинного на основании интересов текущего момента, сегодня мы сказали бы — политической конъюнктуры.

Саенко Г. Однако пока это только предостережение. Тем более, что римский философ Цицерон утверждал, что путь к истине сложен, чреват мнимостями, но истина все-таки существует. Поэтому задача софистов, демагогов в том, чтобы украсить правду, придать ей изящество и выразительность. Римские мыслители еще не разглядели той опасности, которая несла политическая практика. На деле массы верили тому, кто оказывался более речистым. Однако тираны уже начинали осознавать, что во многих случаях можно вообще обойтись без демагогии.

Гуревич П. Известный немецкий философ Иоганн Гердер писал: «Взгляни на деспотов Азии, Африки, да почти всего Земного шара, взгляни, какие чудовища восседают на римском троне, — под их ярмом долгие века стонал мир, — перечти смутные времена, войны, гонения, яростные бунты и посмотри — каков конец. Брут падает, и торжествует Антоний; гибнет Германик, и царят Тиберий, Калигула, Нерон; Аристид отправляется в изгнание, скитается по свету Конфуций, гибнут Сократ, Фокион, Сенека. Античное народовластие оказалось ущербным». Как говорится, всему свое время. Это и отмечает, кстати, Гердер: «Если бы породившее Перикла а и Сократа время продлилось одно лишнее мгновение по сравнению с длительностью, что определена цепочкой обстоятельств, то это было бы несчастьем, и нужно сказать, что наступил бы опасный, невыносимый для Афин период истории». Да, действительно, пора афинских Демосфенов минула.

Буева Л. К тому же сама афинская демократия постепенно превращалась в охлократию. В конце V в. в числе политических лидеров оказывались такие, которые не обладали достаточными знаниями и нравственными качествами. Свое дарование они использовали в корыстных целях. Можно даже, я думаю, назвать некоторые имена. Скажем, владелец ламповой мастерской Гипербол или хозяин кожевенной мастерской Клеон. Ни ум, ни знатный род, ни особое красноречие не были им свойственны. Но они могли увлечь слушателей лицемерными речами, крутыми предложениями. Демагоги научились использовать инстинкты огромных скоплений людей. Но при этом обнаруживали алчность и политическую безответственность. Так слово «демагог» приобрело негативный смысл.

Саенко Г. После утверждения христианства возникла, мне кажется, другая альтернатива в понимании истины и красноречия. С одной стороны, христианские проповедники утверждали, что божественная истина сама по себе не нуждается в узорах ораторского искусства. Она абсолютна. Истина должна предстать перед верующими в самом первоизданном виде, без украшений. Так, к примеру, следует воспринимать риторику Откровения. Но, с другой стороны, осознается, что простые люди не сразу могут принять христианские ценности. Нужны канонизированные риторические правила. Демагогия заявляет о значении норм, методов, установлений.

Гуревич П. На мой взгляд, в эстетике Нового времени, которая признает позитивное и негативное отношение к истине, искусство политического внушения празднует свой последний теоретический триумф. Возникает примечательная инверсия. Не истина определяет нужные ораторские краски. Наоборот, сам арсенал риторики, слова, стиль, красочность начинают уже выступать как критерии истины. Если сказано метко и впечатляюще, значит это истина. Происходит отождествление истины и искусства. Можно было бы переиначить известные слова из тургеневского романа: «об одном прошу тебя, друг Аркадий, говори красиво...»

Буева Л. Социальная демагогия к тому же обретает дополнительное слово — пропаганда.

Борясь против Реформации, духовенство стало активно искать средства, которые помогли бы помешать расколу прежде единого мировоззрения. В 1622 году Ватикан создал специальную организацию, призванную «удержать веру» и сохранить церковь. Конгрегация распространения веры — *Congregatio de propaganda fide* — стремилась укрепить католицизм во всех странах; именно она ввела в обиход слово «пропаганда», которое как понятие появилось, таким образом, в 1622 году и первоначально означало распространение идей и догматов церкви. Слово «пропаганда» уже в то время открыто связывалось с конкретными идеологическими ориентациями феодалов и духовенства. Свою реакционную деятельность Конгрегация маскировала абстрактно-гуманистическими призывами «совершенствования человека». Эту идеологическую фразеологию К. Маркс иронически назвал «человеколюбивым промыслом». Он говорил о своего рода монополии на «улучшение человеческого рода», которая с 1640 года целиком принадлежала Конгрегации.

Саенко Г. Наши рассуждения свидетельствуют о том, что социальная демагогия — это не просто перечень обманных приемов. Она погружает нас в область философии, философского постижения человека. Прежде чем нагрузить слово «демагогия» положительным или отрицательным смыслом, надо осветить вопрос о том, что представляет собой вообще человек как особый род сущего. Если человек — существо разумное, наделенное всеми достоинствами, приписанными ему Богом, то между истиной и риторикой не может быть расхождения. Иное дело, если человек — существо бедное, то без искусства кажимости не обойтись. Людям нужны подпорки. Не грех и уклониться от истины, если это поможет обществу и пойдет на пользу самим гражданам, не способным ориентироваться в сложных социальных распрях.

Гуревич П. То, что Платон поставил в вину софистам, стало получать санкцию признания. Человек — существо ущербное. Все его силы, ресурсы направлены на выживание. А тут уж не до истины. Да и вообще непонятно, способен ли человек адаптироваться к риторическому искусству? Посильно ли для него разобраться в красноречии? Так демагогия обрела иные смыслы. Техника речи — это не напряжение мысли. Она предлагает определенные правила поведения, вносит ориентиры для понимания существа событий. Она попросту устанавливает некие знаки, вешки. Но они могут быть приняты без рассуждений или отвергнуты как несостоятельные.

Буева Л. Софисты выступали в форме монолога: они растолковывали истину, а народ слушал. Платон призывал к диалогу. Он считал, что нужно постоянно учитывать мнение простых людей, знать их реальные запросы. Но разница между Платоном и софистами стала стираться. В любом случае особую ценность приобретает ораторское слово, призыв, лозунг. Риторика — всего лишь орган упорядочивания мыслей, а не средство обнаружения истины. Ницше даже, как известно, толковал критику софистики со стороны Платона как выражение зависти со стороны античного философа. Риторы были столь популярны, столь успешны. Принудить силой огромные массы людей, располагавших статусом свободных граждан, к непопулярному действию было сложно. Но античная жизнь и склонилась к «рукоприкладству», то есть к навыкам прямого физического воздействия на людей. Такой способ организации общественной жизни по праву назывался деспотизмом.

Саенко Г. Вот мы прослеживаем историю демагогии. Но имеет ли все это практическую ценность? Зачем, к примеру, современному политику знать, чем софисты отличались от Платона? Ведь демагогия, оболечение народа предполагает лукавство, социальный обман. Что может дать нам сегодня философский аспект проблемы? В IV веке до н.э. сама риторика отказалась от философских обоснований. Афинский оратор Исократ стал называть философией собственную софистику. Лишь короткий этап демагогии связан с государственным красноречием. В основном софисты блистали в судах.

Гуревич П. Можно ли врать своему народу? Допустима ли ложь как средство достижения прагматического успеха? Эти вопросы как раз и актуализируют тему. Сначала демагоги защищали интересы народа. Но потом возникло разочарование в людях. Разве они способны обуздывать свои страсти, блюсти национальные интересы? И опять рождается неизменный вопрос — что можно сказать о человеке вообще? Каков он по определению — разумен или неразумен, совестлив или гнусен, альтруист или эгоист? Нам и сегодня интересно, что думает современный властитель о людях, судьбами которых он распоряжается. Вспомним Никколо Макиавелли. Парадоксально, что его размышления продиктованы вовсе не анализом риторики как таковой. Его занимают другие вопросы. Можно ли довериться разумности людей, их жизненному опыту, их трезвости? А с другой стороны, где тот предел, за которым рискованно обманывать народ? Или этого предела нет?

Буева Л. Да, я согласна. Макиавелли одним из первых в эпоху перехода к новой эпохе европейской истории разработал прочную универсалию «человеческой природы». Его трактовка человека достаточно трезва и мрачна. Он писал о том, что о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность, влечет нажива. Имя Никколо Макиавелли вот уже шесть веков вызывает у многих людей чувство неприязни и осуждения.

Саенко Г. Вообще в мещанском сознании, а также в морализирующем политическом сознании, это имя воспринимается почти как символ лицемерия и самого гнусного вероломства. Католическая церковь и православная церковь видят в Макиавелли чуть ли не антихриста. Монархи всех стран, включая и российских царей, поносили его за республиканизм. Республиканцы обвиняли в воспевании абсолютизма. Жестокие правители навешивали ярлык заговорщика и смутьяна, а либералы осуждали за

приспособленчество и готовность служить кому угодно, лишь бы поближе находиться к кормилу политической власти.

Гуревич П. Макиавелли, судя по всему, политический прагматик. Обосновывая роль государства, Макиавелли утверждал, что правитель не может обеспечить власть и порядок, если он будет честно вести политическую игру. Чтобы удержать власть, государь обязан подавить человеческий эгоизм во имя всеобщего блага и порядка. Такое подавление требует от политиков не только применения грубой силы, но и изворотливости ума, хитрости и даже вероломства в борьбе за власть и ее упрочение.

Буева Л. Все знают, книга Н. Макиавелли «Государь» принесла автору огромную славу. Эта книга — трактат, включающий в себя анализ политических ситуаций, как описанных античными авторами, так и современных Макиавелли. Автор излагает собственные поучения, которые позволяют, как он думает, политику добиться успеха. Порой эти наставления глубоко циничны. Широко известны слова автора «Государя» о том, что мудрый правитель государства обязан «по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла». Главная мысль Макиавелли: цель оправдывает средства. Правитель должен сочетать в своей личности и в своих действиях качества льва, способного расправиться с любым из врагов, и лисицы, способной провести самого изощренного мудреца.

Саенко Г. Такое политическое вероломство давно получило наименование макиавеллизма. Однако Павел Семенович уже предложил вдуматься в значение этой политической фигуры. Насколько справедлив осудительный взгляд на него? Дело в том, что Макиавелли пытался постичь новое качество политики. Он рассматривал ее с реалистических позиций. Правда эксперта оказалась горькой. Но разве в этом виноват сам автор? Макиавелли уклонился от морализирования, а это было модой в средневековом религиозном сознании. Он вовсе не оправдывал насильственные и безнравственные действия политика, тем более универсально, на все времена. Макиавелли видел суть государства в «общем благе». При этом речь у него шла не только о зажиточных гражданах. Он учитывал и интересы масс, народа. Более того, он пришел к выводу, что «народ» часто оказывается мудрее и надежнее главы государства.

Гуревич П. Пафос книги Макиавелли в том, чтобы научить политика быть искусным. Ему надлежит проявлять гибкость, постоянно соотноситься с переменами в жизни. Да, государю следует прибегать и к жестокости. Но она бывает разной. Прав только тот государь, который использует эту жестокость в интересах государства, да и то один раз, когда она соответствует государственным интересам. Насилие, по Макиавелли, призвано исправлять, а не разрушать. Запомним эту заповедь, она, возможно, еще пригодится нам.

Буева Л. Опираясь на свой опыт, Макиавелли делал определенные выводы, предсказывал результаты действий правителей («князей»), стремившихся установить или поддержать стабильный политический режим. Рецепты, предлагавшиеся Макиавелли, были столь необычными, что его поведение зачастую считалось безнравственным. На самом деле он всего-навсего с предельной ясностью изложил те принципы государственного управления, которыми пользовались всегда, когда вставал вопрос об удержании или захвате власти. Некоторые мыслители, в том числе и К. Маркс, осуждали Макиавелли за то, что у него «теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали». Однако эти обвинения лишены основательных резонансов. Еще Платон отмечал, что всем правителям приходится «прибегать ко лжи и обману — ради пользы тех, кто им подвластен... подобные вещи полезны в виде лечебного средства». Вероятно, нельзя судить о Макиавелли в узком диапазоне. Он все-таки выдающийся философ политики. Но нет оснований и упиваться его рецептами, которые охотно приемлют политики, когда речь идет об управлении народом.

Саенко Г. Мне кажется, что цель Макиавелли состояла в воспитании сильного и самостоятельного политического человека, который обязан понимать ту опасность, в

которую он погружает свою душу. До Макиавелли религиозная мораль как бы предшествовала действию, заведомо отличая дурной поступок от хорошего и побуждая человека действовать так, а не иначе. Макиавелли предложил освободить человека от таких ограничений и дать ему полную свободу.

Гуревич П. Однако понятие «политический макиавеллизм» бытует среди политиков и до сих пор. Ведь речь идет об использовании любых, в том числе аморальных средств (лжи, клеветы, жестокости, обмана) для достижения политических целей. В том же «Государе» Макиавелли обосновал законность отступления от нравственных законов для достижения великих политических целей, отбрасывая христианскую мораль, чтобы она не мешала политике. В арсенал возможных, с точки зрения Макиавелли, средств могут входить «хорошо применяемые жестокости», способность политика «быть великим притворщиком и лицемером», побеждать врагов «силой и обманом», умение правителя внушать подданным «любовь и страх», заставлять «народ верить силой в то, что не отвечает его убеждениям». Макиавелли писал: «Родину надо защищать средствами славными и позорными, лишь бы защищать ее хорошо». Эти рецепты завораживают политиков. Социальная демагогия в наши дни стала особенно циничной. Она буквально расплодилось, стала нормой политической жизни.

Буева Л. Я согласна. Тем более, что успех правителя-демагога нередко в европейской истории оборачивался последующим крахом. Властитель заботится о злобе дня, он не в состоянии предвидеть дальное действие своих ораторских побед. Между тем в Новое время эта тема вообще получила новую разработку. Философы выступали против демагогии. Томас Гоббс, к примеру, предлагал заменить риторику «ясным и элегантным выражением мыслей и понятий». Он даже пытался ввести в политический обиход выражение «правильный рассудок». Это что-то вроде «критического разума» Канта. Но кто может определить, какой рассудок правильный, а какой не вполне? А может быть, демагог уходит от ответственности, опираясь на обычный рассудок, который не обладает этим свойством правильности.

Саенко Г. Но Гоббс уже отчетливо видит, какую пагубу несет искусство политического красноречия. Он пытается противопоставить властителю народную смекалку, трезвость, близость к жизненным подробностям. Английский философ выступал против демократии именно потому, что этот политический режим потворствует не здравому рассудку, а порывам души. Ораторы обычно ориентируются не на природу вещей, а на пристрастия своих слушателей. Теория государства Т. Гоббса направлена на самосохранение государства. Это вполне очевидный рациональный мотив. Но такой договор между властью и народом может быть нарушен, если на историческую арену выходит оратор, демагог. Гоббс патологически ненавидит риторику. Он вчиняет ей в вину возбуждение страстей с помощью удачных метафор. Гоббс настолько уверен в этом, что даже называет эту связь само собой разумеющейся. Метафора враждебна понятию. Она не опирается на инструментальный разум. И в этом случае открывается простор для манипулирования общественными представлениями.

Гуревич П. Возможно, это действительно курьезно, но насколько я помню, Гоббс пытается обосновать красноречие особого рода. Оно обычно воздерживается от метафор и образов и рассматривает вещи сами по себе. Английский философ не учитывает, что понятие тоже представляет собой искусственное образование. Он всячески оберегает абсолютистское государство. Гоббс, очевидно, не заметил противоречия между своей органической метафорой и искусственным появлением «государственного индивида». Запрет на риторику абсурден. Этот запрет можно также рассматривать как риторический акт. Так, антириторика становится одним из важнейших риторических средств. Но при этом она претендует на реалистическую строгость, которая якобы единственно соответствует серьезности положения человека здесь. Лозунг дня — меньше слов, больше дела...

Буева Л. Но разнородность мнений людей, политические предрассудки, религиозный фанатизм, присущие людям «естественные страсти» породили интерес и к другим сферам общественного сознания. Возникла потребность в философском осмыслении «человеческой природы», различных «отклонений ума», массовых заблуждений и предрассудков. Все это, естественно, приводит к размышлениям о том, способно ли сознание отражать истинное положение вещей, можно ли преодолеть заблуждения, что мешает разуму в познании мира? Последовательное освещение этих вопросов составило заслугу родоначальника английского материализма и экспериментирующей науки нового времени Фрэнсиса Бэкона.

Саенко Г. Смотрите, какие выводы следуют из такой постановки вопроса. Молчаливое, безмолвное поведение населения (знаменитое пушкинское «народ безмолвствует») приравнивается к взрыву негодования. И то, и другое, по сути дела, только знаки, символы. Вот что у Пушкина говорит царь Борис Годунов: «Безумны мы, когда народный плеск иль ярый вопль тревожит сердце наше». Царю уже не до вопрошания социальной истины. Он становится заложником исторической конъюнктуры. Что у нас сегодня является злобой дня — «народный плеск»? Это требует умищивания людей. «Я отворил им житницы, я злато рассыпал им, я им сыскал работы». А что ежели это не народный плеск, а его яростный вопль? Так демагогия поступает на службу к властителям.

Гуревич П. Но в эпоху Просвещения европейские мыслители все чаще задумываются над угрозой тирании, которая является результатом узурпирования народной власти. Просветители видели причину многих несчастий людей в существовании деспотического государства. Естественному состоянию человека соответствует мир. Войны, насилия, захваты приводят к возникновению государства. В Европе государства появились в результате вторжения варварских племен, вожди которых делили между собой захваченные земли и обращали в крепостных местных жителей. Некоторые мыслители, в частности, Иоганн Гердер, не соглашались с договорной теорией происхождения государства. Они отрицали, что народ и правители пришли к доброму соглашению. Между тем всякое государство связано с насилием, с угнетением.

Буева Л. Несомненную защиту народа от демагогии мы находим в учении Иммануила Канта. В своей работе «Критика способности к суждению» Кант назвал риторику искусством пользоваться слабостями людей в своих целях. Оно не достойно внимания. Данное «коварное искусство» занято, по словам Канта, тем, что в важных вещах продвигает людей к решению, уподобляя их механизмам. Публика привыкает к демагогии, перестает осознавать ее опасность.

Саенко Г. Когда началась Французская революция, граждане из конвента начали осваивать метафоры Римской республики. Они буквально рядились в римские тоги, использовали лексику той эпохи, специфические выражения, идиомы. Чем глубже оказывается кризис легитимности, тем сильнее обнаруживает себя устремленность к риторической метафоре. Человек не является субъектом истории. Но нельзя утверждать, что он не имеет к ней отношения. Демагог утверждает: человек должен связывать себя с историей. Арсенал демагогии обширен: это может быть обращение к здравому смыслу людей или обыкновенная увертка.

Гуревич П. В XIX в. на историческую арену выходят массы. Это усложняет социальную демагогию. Она обретает новые оттенки и звучания. В политическую практику входит понятие «популизм». Но вот что парадоксально — социальная демагогия возвращает некогда присущий ей положительный смысл. Популистами называли себя представители мелкобуржуазной фермерской партии, которая была создана в 1891 году в Америке. Они добивались социальных реформ, в частности, требовали передать государству железные дороги и телеграф, ввести подоходный налог, ограничить земельную собственность. В политической философии популизм характеризует своеобразную форму взаимоотношений общества и власти. Он обязывает властителей

аргументировать свое законотворчество, ссылаясь на голос народа. Это, по сути, возрождение римского права *vox populi*. Однако и в этом случае политики-популисты не удержались на идее народовластия. Они стали собственные интересы прикрывать социально привлекательными идеями.

Буева Л. Но это все же лишь частный случай манипулирования общественным мнением. Есть ли разница между этими явлениями?

Саенко Г. Мне кажется, разница есть. Популизм — своеобразный случай социальной демагогии. Популисты обращаются к народу, они нуждаются в его поддержке. Что касается социального демагога, то он может и не считаться с мнением масс. Его полномочия шире.

Гуревич П. Приведу пример из нашей отечественной истории. В 1984 году Коммунистическая партия обнаружила, что ее авторитет среди рабочих снижается. Чтобы вернуть утраченное доверие, можно было прибегнуть к популизму. Допустим, поднять заработную плату рабочим. Но это дорогостоящая затея. Демагогический прием обойдется дешевле. Весной 1984 года газета «Правда» опубликовала фельетон Ивана Шатуновского о том, что многие профессора получают две зарплаты, поскольку, кроме научной работы, ведут еще и преподавательскую деятельность. Подтекстовый, демагогический смысл фельетона читался примерно так: вот ты, рабочий, целый день стоишь у станка, а вечером тебя поймали в проходной, потому что ты пытался унести домой гайку. Разве это справедливо, если учесть, что интеллигенция может тащить домой две зарплаты?

Буева Л. Мне кажется пример не очень удачным. Ведь это чистый популизм, потакание зависти, злобе простых работяг.

Саенко Г. Не согласен. Суть дела в том, что научный работник, которого приглашают в вуз читать лекции, должен был получить на это разрешение прямого руководителя, а затем удостоверяющее согласие вице-президента Академии наук СССР. Выходит, оснований для изобличения профессуры не было: они не нарушали ни закон, ни существующие правила. На это фельетонист отвечал: но они должны были читать лекции в свободное от работы время. Но всем понятно, что это не что иное, как демагогия, поскольку ночью студенты не учатся. Однако здесь не важны детали. Акция состоялась, рабочие получили возможность отыграть собственное возмущение, позлорадствовать участи интеллигентов, судьба которых решалась уже в прокуратуре.

Гуревич П. Безусловно, грань между популизмом и социальной демагогией условна. Но я попробую обозначить ее другим примером. Всем хорошо известно, что Единый государственный экзамен вводился в нашей стране, несмотря на сопротивление преподавателей, ученых, родителей. Теперь уже всем понятно, что ЕГЭ не способен решить те задачи, которые были поставлены инициаторами этой акции. Полноценное обучение из-за этого нововведения превратилось в элементарное натаскивание. Все помнят многочисленные скандалы этого лета со списыванием результатов тестов. Тысячи учеников классов стали переводиться из больших городов в районные и даже деревенские школы. Теперь уже и в Министерстве образования и науки предлагают введение частично устного или двухуровневого экзамена. Наш премьер участвовал в качестве гостя молодежного форума «Машук». Там ему задали несколько неприятных вопросов о ЕГЭ. Политик мог бы в этом случае использовать популистскую возможность и поддержать всеобщую критику Единого государственного экзамена. Но премьер заявил, что система ЕГЭ работала и будет работать.

Разумеется, зрелый политик не должен опускаться до популизма. Но тогда он должен обосновать свое мнение. Вместо этого премьер вспомнил свои молодые годы и сообщил, что тогда завышали оценки. Но ведь сейчас завышают оценки в еще большем масштабе. Выходит, политик в данном случае выступил в качестве социального демагога.

Буева Л. Может быть, надо уточнить, что демагог — это человек, который вводит в заблуждение массы народа с помощью специальных уловок. Главная задача демагога — склонить на свою сторону слушателей.

2. Каковы возможности и пределы социальной демагогии?

Саенко Г. Слово «демагог» отрицательное, хлесткое. Принимая решение, политик может оказаться либо демагогом, либо циником. Может быть, Макиавелли был прав, когда санкционировал возможность политика врать, изворачиваться, оставлять массы в дураках? Неужели политика и демагогия — близнецы-братья? Если это так, то народ имеет право отвернуться от такого политика. Мне понятно, что в качестве посредника между различными социальными слоями политик вынужден сглаживать противоречия, создавать видимость сотрудничества, гармонии. Но ведь рано или поздно это становится невыносимым для общества.

Гуревич П. Мы продвигались вдоль эпох, чтобы показать, какие проблемы обсуждали философы, размышляя о социальной демагогии. И мы как раз подошли к тому историческому времени, когда мыслители стали более прицельными, проблемными. Они осознали, что пропаганда и идеология нужны обществу. Но вместе с тем началась отчаянная критика массовых идеологических процессов современного общества. Социальные мыслители с ужасом констатировали всемогущество обмана, демагогии, манипулирования общественным сознанием.

Буева Л. Отметим все же, что интерпретация пропаганды как «просвещения» не была результатом сознательного лицемерия мыслителей раннебур-жуазной эпохи. Война предрассудкам, «призракам (идолам) сознания» во имя «вечных истин» объявлялась ими в полном соответствии с господствующими убеждениями в разумности истории, единстве и неизбежности прогресса, внутренней гармонии индивидуального сознания.

Саенко Г. Все это так. Но уже Фридрих Ницше показывает, что политик не может пренебречь социальной демагогией, опираясь на реальность истории. Его современники убедились в том, что постоянный рост различных изданий, возрастание потоков сообщений, передаваемых с помощью телеграфа во все концы Европы, увеличение объема печатных материалов отнюдь не способствуют абстрактно понимаемому просвещению. Напротив, идеалы равенства и свободы, провозглашенные просветителями, превратились в своеобразные политические мифы.

Гуревич П. Правящая элита заинтересована отныне не в просвещении, а в суеверии, не в правде, а в «гносной и бесстыдной» клевете, «распространяемой официальной и продажной прессой». В этих условиях мыслителю, стремящемуся к истине, не так-то легко прорваться к реальности, разорвать оболочку мифа, дабы устранить суеверие. Программа, намеченная просветителями, воочию обнаруживает свою несостоятельность.

Буева Л. Именно так. Но тут Ницше делает неожиданный радикальный ход, он ставит вопрос: а нужно ли вообще бороться с предрассудками? Действительно ли стоит изживать суеверие? Этот разрыв с просветительской идеологией вытекает из всей концепции Ницше, который предлагает провести тотальную «переоценку ценностей», пересмотреть устоявшиеся взгляды, не боясь шокировать просветительски ориентированных мыслителей с их «отжившей» и «пагубной» философией. Осуждая «жалкую современную болтовню политики» и себялюбие народов, Ницше провозглашает, что надо иметь «мужество к запрещенному — предназначение к лабиринту».

Саенко Г. Что же представляет собой тот «лабиринт», в который зовет Ницше? Немецкий философ утверждает, что ведущей силой исторического развития является «борьба за существование», которая в социальном плане постепенно переходит в «волю к власти». Однако это «естественное состояние человечества», по идее Ницше, подверглось порче со стороны христианства, которое приняло сторону всего слабого, низкого,

неудачного, сделало идеал из противоречия инстинктам самосохранения сильной жизни...». Критика христианства выполняет в концепции Ницше конкретное назначение: именно она призвана раскрыть немощность современной культуры, вобравшей в себя порочные установки и оказавшейся поэтому чуждой «подлинной жизни». Бичевание христианства позволяет, как полагает Ницше, восславить все «аристократическое» в ущерб «плебейской посредственности», господству «стада», «массы». Немецкий философ выделяет «мораль господ» в «мораль рабов», резко противопоставляя их.

Гуревич П. Почему же Ницше приступает к столь решительной «переоценке ценностей», к поиску истоков современных кризисных явлений? Томас Манн отмечает, что моральный критицизм вообще оказался общей тенденцией того времени. В конце XIX в. европейская интеллигенция выступила против ханжеской морали викторианского столетия; в европейском сознании сложилась общая установка «брать на подозрение» и разоблачать господствующие ориентации, чтобы проверить их справедливость.

Буева Л. Предстояло, прежде всего, осмыслить тот факт, что «просветительная пропаганда» духовных ценностей столкнулась с социально-жизненным контекстом, принципиально иным, нежели та атмосфера, в которой рождались эти ценности. Пока «наставники» сами определяли судьбы своей цивилизаторской деятельности, «вразумляя» опекаемых, которые рассматривались в качестве потенциальных носителей культурных богатств, концепция «просвещения» сохраняла свой облик. Но вот пропаганда стала массовой, «элита» начала разговор с «публикой». И сразу обнаружились вопиющие несоответствия между цивилизаторскими устремлениями «жрецов истины» и повседневной реальностью. Оказалось, что социальный опыт трудящихся вступает в противоречие с господствующей идеологией, просвещение на деле оборачивается принудительной духовной опекой, а подчас и прямым насилием. Массы вообще не хотят, чтобы наставники «вели» их, как слепцов, к неведомой им цели; массы сами хотят вырабатывать эту цель.

Саенко Г. Отсюда вывод: борьба с предрассудками — ложная задача, заведомо обречена на неудачу. Освободить мышление от иллюзий — значит, оказать человеку дурную услугу, лишить его уверенности в себе и развязать разрушительную энергию. Вот почему индивиду так жизненно важно питать суеверия, дающие ему «стратегию выживания». Человеку необходимо «покрывало иллюзии», он может «найти свое спасение лишь в иллюзии». Психологический мир индивида, с точки зрения Ницше, включает в себя потребность в фикции, в идеологической подпорке. Особую роль играет в этом отношении миф. «...Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает... культурное движение в некоторое законченное целое».

Гуревич П. Политик хочет заняться откровенной демагогией. А что же люди? Французский социолог Алексис Токвиль, изучая еще в позапрошлом веке поведение американских фермеров, неожиданно обнаружил, что в сознании многих из них укоренились прочные стандарты, которые легко можно было принять за результат пропагандистского воздействия. Однако в самом содержании печати, доступной этим фермерам и популярной среди них, эти представления («иллюзии») не распространялись. Откуда они взялись? Каким образом откристаллизовались?

Буева Л. Я так понимаю, что следовало, вероятно, раскрыть механику появления этих иллюзий. Отвлеченно-рационалистические предпосылки, на базе которых традиционно изучалось движение к истине, здесь особого света не проливали. Предстояло описать какие-то новые механизмы духовной жизни людей. Ницше, как уже отмечалось, полагал, что превратные представления, духовные штампы нужны человеку, он испытывает в них психологическую потребность. Но он считал, что «потребитель» пропаганды лишь усваивает эти идеологические стандарты, а не создает их. А тут получалось, будто «иллюзии» живут в сознании индивида «сами по себе», независимо от

пропаганды, и даже тиражируются. Токвиль ведь недаром обратил внимание именно на распространенность сходных духовных образований. Как же они формируются?

Саенко Г. Мне все время хочется привести такой пример. В начале Первой мировой войны в немецкой печати сложилась своеобразная форма подачи материала. Публиковались фотографии с короткими или развернутыми подписями, носящими характер комментария. Снимки воспроизводили картины военных действий, мучения солдат, попавших в плен, сцены грабежа и пыток. Эти материалы произвели огромное впечатление на общественное мнение, вызвали гнев различных слоев населения. Читатели полагали, что имеют дело с правдивой, неопровержимой информацией. Но неожиданно выяснилось, что эти сообщения не соответствуют действительности. Снимки не были какой-либо инсценировкой и воспроизводили картины подлинных событий. Однако подписи к ним строились с расчетом на преднамеренную фабрикацию общественного мнения. Текст зачастую состоял из лживых обвинений, заведомых провокаций. Например, сцена захоронения солдат подавалась как картина изощренных пыток и т. д.

Гуревич П. Очень интересный пример. Разоблачение этих фальшивок, механика их повседневного тиражирования буквально потрясли читателей. Оказывается, органы информации вполне могут вводить в заблуждение огромные массы людей, не прибегая при этом к сложной технике «сотворения мифа». Вполне достаточно слегка исказить текст комментария, чтобы вызвать бурю страстей, сознательно инспирированных настроений. Выяснилось, что человек во всеоружии разума и трезвости беззащитен перед обычной социальной демагогией. Но совсем недавно американские агентства распространили фотоснимки, на которых якобы изображены тела — жертвы химической атаки правительства Асада. Но трупы какие-то чистенькие, гладенькие. Хотя известно, что при химическом отравлении тела убитых не выглядят так благостно и аккуратно.

Буева Л. После Первой мировой войны многие социологи пришли к выводу, что именно сфера массовой демагогии является источником исторических потрясений. Они полагали, что войны не хотело ни одно буржуазное правительство. А анализ содержания печати, по их мнению, показывал, будто все страны вступили в сражение под влиянием умышленных инспираций. Особенно были возмущены американские социологи: им казалось, что их страна вовлечена в войну английской и французской демагогией.

Саенко Г. Представление о «триумфе социальной демагогии» стимулировалось теперь растущей уверенностью в том, что личность подвержена внешнему влиянию, общественное мнение легко вводится в заблуждение, а печать и радиовещание функционируют именно как средства массовой дезинформации. Многочисленные факты, свидетельствующие о том, что пропаганда легко вводит в заблуждение тысячи читателей или радиослушателей, западные исследователи стали истолковывать в том смысле, что сообщение оказывает прямое и неотразимое влияние на человека. Такая позиция способствовала проникновению в теорию социальной демагогии представлений о человеке как продукте внешних условий и внешнего воздействия. При этом росло убеждение, будто человек управляется автоматически и механически в рамках бихевиористской схемы «стимул — реакция».

Гуревич П. Уже в 20-х годах прошлого столетия в США развернулись широкие исследования, цель которых заключалась в том, чтобы изучить запросы аудитории, потребляющей рекламные материалы. Позже начался анализ интересов и предпочтений «потребителей» пропаганды. Правда, социологическая работа сразу же приобрела во многом потребительский, утилитарный характер.

Буева Л. Мы все время подчеркиваем неотвратимость и пагубность социальной демагогии. Но можно ли сказать, что она всесильна и нет пределов для идеологического внушения масс? Не кажется ли вам, коллеги, что само изучение механики социальной демагогии, ее рецептуры позволяет избежать ее тотального воздействия?

Саенко Г. Если бы массы имели более конкретное представление о том, с помощью каких приемов власть достигает своих целей, пренебрегая при этом зачастую

интересами народа, то политическая практика выглядела бы иначе, была бы менее опасной и вредной. Парадоксально, что в нашей стране совершенно исчезла традиция постоянного интереса к языку социальной демагогии. Давно не было переводов зарубежных исследований на эту тему, нет книг и отечественных авторов. Между тем распознавание механизмов влияния на состояние умов является важной гарантией общественной гармонии. Мы помним из истории, какие последствия имела для Германии, для народов практика грамотной социальной демагогии. Вот, скажем, психологический механизм проекции. Он позволяет конструировать образ коварного врага и тем самым отвлекать общественность от реальных и насущных проблем.

Гуревич П. Социальная демагогия постоянно делит мир на «плохих» и «хороших». Нацисты, мы хорошо знаем, все время проводили различие между «нами» и «ними», воскрешая при этом образ многоликого врага. «Они» — это американцы, англичане и французы, разбогатевшие на войне. «Они» — это левые, революционные пролетарии и марксисты («эти люди вонзили нож в спину воюющей нации»). «Они» — это коммунисты («они хотят лишить нас остатков собственности, ввести общность жен»). «Они» — это русские («эти азиаты-дикари хотят привести на Рейн казаков»). «Они» — это другие славянские народы («занимают исконные немецкие земли, стесняют наше жизненное пространство»). «Они» — это евреи («ворочают ростовщическим и торговым капиталом, объединены в единый всемирный заговор и паразитируют на теле немецкого народа»).

Буева Л. Нацистская пропаганда строилась на ненависти, на возбуждении сильных эмоциональных эффектов. Назовем в качестве примера выступление Гитлера в сентябре 1938 года. Ему предшествовала настоящая психическая подготовка: на фоне вагнеровской музыки — медленный, грозный барабанный бой, тяжелый, кованный солдатский шаг и зловещее бряцание оружием, то нарастающее, то удаляющееся. Это было психическое насилие в чистом виде, рассчитанное на то, чтобы запугать миллионы людей во всем мире; они должны были представить себе огромную военную машину Германии в действии, готовую в любую минуту обрушиться на них и смести все на своем пути, представить со всей конкретностью — и капитулировать.

Саенко Г. Фашистская пропаганда уделяла огромное внимание организации всякого рода зрелищ — военных парадов, демонстраций, митингов, публичных праздников, факельных шествий и т. д. Эта сторона нацистской пропаганды, помимо устрашения, вызываемого демонстрацией силы, была направлена на то, чтобы искусственно «взвинтить» массы, довести их до состояния коллективного психоза, иступленного воодушевления.

Гуревич П. Разоблачая механику социальной демагогии, было бы преступно говорить о ее несокрушимости. Многие люди убеждены в том, что человек абсолютно беззащитен перед потоком размноженного обмана, он совершенно не в состоянии различить реальность и грезы, факт и вымысел. Более того, индивид будто бы и не стремится к этому. Иллюзия, служащая ему психологической опорой, устраивает его в большей мере, нежели жестокая правда современности. Именно поэтому, как полагают многие социологи, он внутренне тяготеет к такой культуре, которая маскирует действительность, помогает справиться с болезненным психическим напряжением, вызванным бешеным темпом «информационного общества».

Буева Л. Здесь немало сложных теоретических проблем. Как объяснить, например, податливость индивидуального сознания и в то же время его способность противостоять манипулятивным стандартам? Почему и как средства массовой коммуникации могут воздействовать на содержание культуры? Что представляет собой так называемая «визуализация» пропаганды, то есть возрастание в ней зрительных образов? Чем конкретно порождена «мания персонификации», то есть использование различных персонажей и героев массовой литературы в процессе манипулятивного воздействия на потребителя?

Саенко Г. Парадокс заключается в том, что социальная демагогия сочится отовсюду. Сегодня на международной арене прав тот, у кого сила. Можно беззастенчиво врать, будто в какой-то стране ведутся тайные разработки атомной бомбы, что правитель применил химическое оружие против своего народа, что восточный владыка не хочет быть демократом. Но ведь это не просто риторика. За ней следуют активные действия — свержение режима, захват ресурсов, принадлежащих какой-то стране. Все — политики, эксперты, простые люди — понимают, что на самом деле идет захват чужих богатств. Но риторика стала изощренной, наглой, открытой.

Гуревич П. Не следует полагать, будто она присуща только господствующей власти. Не чуждается манипулирования сознанием и оппозиция. Посмотрим, к примеру, предвыборные программы кандидатов на пост столичного градоначальника. Алексей Навальный, скажем, рассчитывал в случае его избрания мэром предоставить москвичам возможность определять приоритеты в развитии города. Мысль замечательная, но не бесспорная. Всем понятно, что учитывать мнение людей необходимо, но определять приоритеты в развитии города все-таки должны специалисты.

Буева Л. Здесь мы вступаем в сферу массового сознания. Долг общества состоит в том, чтобы помогать людям, далеким от реальной политики, разбираться в социальных вопросах. С. Митрохин, это я еще раз о выборах мэра, обещал покончить с рабским трудом в столице, но не слишком ли все просто: использование мигрантов перестанет быть таким дешевым и их число резко сократится. Остановить кризис ЖКХ, установить контроль за тарифами. Но ведь это без всякого успеха пытается реализовать российское правительство. Нет ли здесь поверхностного погружения в проблему? Программа кандидата от ЛДПР — это набор лозунгов и восклицаний. «Мигранты? Домой!», «Проезд дорожает? Заморозить цены!», «Горячая вода? Будет всегда!», «Тарифы? Снизить!», «Низкие пособия? Повысить!», «Все нелегалы должны быть выдворены из Москвы». Н. Левичев предлагал политизировать деятельность мэра. Что все это означает, если не разгул демагогии? Ведь никто из них не говорит: «Я попытаюсь», «Попробую претворить в жизнь такие-то меры». Но кто из москвичей не знает, что проблемы города не решаются таким демагогическим натиском? Когда политик на полном серьезе предлагает добиваться межнациональных браков, усиливать это стремление и принуждать к таким союзам, то возникает и сомнение, все ли ладно у него с головой.

Саенко Г. А сколько социальной демагогии в риторике во внутренней политике! Западные социологи провозгласили «конец идеологии», чтобы заранее подготовиться к идейным схваткам. В наши дни, к примеру, между Россией и Китаем существуют добрые отношения. Но китайская власть пугает население Россией. Флагман китайской журналистики, крупнейшее государственное информагентство, объясняет своим гражданам, как обрушился Советский Союз. Да, это событие в нашей стране называют «крупнейшей геополитической катастрофой». Но зачем умышленно предлагать неправду? Агентство сообщает: «Россияне однажды проснулись ночью после большой демократизации и обнаружили, что... все выходы в море, которых русские добивались в течение нескольких веков, потеряны». Но наша страна по-прежнему имеют выходы к морю — Балтийское, Баренцево, Северный Ледовитый океан, Тихий океан, Азовское море, Черное... Что же мы потеряли из наших морей? Ничего. Но китайская власть внушает населению, насколько разрушительна большая демократизация.

Гуревич П. Как отстраниться от социальной демагогии? Как избежать ее суггестивной мощи? Весьма популярный философ Юлиус Эвола предлагал в качестве панацеи деполитизацию. Его книги спустя столетие породили своеобразную эволюцию. Он утверждает, что в современном мире нужно максимально отдалиться от политических интриг. Надо быть «обособленным человеком». Эту установку он называет аполитеей. Она, по представлениям Эволы, по существу обозначает внутреннюю позицию беспристрастности и независимости. «Аполитея означает сохранение непреодолимой внутренней дистанции по отношению к современному обществу и его „ценностям“; отказ

от всяких духовных и моральных связей с ним». Аполитея, в том виде, как она мыслится Эволой, не требует исполнения никаких особых предварительных условий во внешнем плане.

Буева Л. Аполитея — утопична. Манипулирование массовым сознанием настолько укрепилось, набрало такие обороты, что, вероятно, как пишет Жак Бодрийяр, преспокойно продолжало бы существовать, если бы человечество вообще исчезло. Политика больше не сосредоточена в политике, она затрагивает все сферы — экономику, искусство, спорт. Обыкновенное выступление артистов за рубежом нередко превращается в политическое событие. Почти нейтральное осуждение геев со стороны известной спортсменки вызвало мощные политические страсти. И спорт вышел за рамки спорта — он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуто спортивным коэффициентом превосходства. Когда секс присутствует во всем, теряется иммунитет, комментирует эти тенденции французский философ. Деполитизация оказывается формой интенсивной политизации.

Саенко Г. Тот, кто читал книги Эволы, может быть поражен, насколько точно этот философ предугадал глобальные проблемы современной цивилизации. Его диагноз плачевен: распад морали, утрата патриотических чувств, деградация культуры и разложение искусства. Эвола был беспощаден к социальной демагогии. Он писал о том, что защита личности, которая опирается на индивидуализм, абсурдна и бессмысленна. Эвола разоблачал лицемерие, связанное с демократической риторикой. По его словам, отупение и низкопоклонство (малодушие) достигли такой степени, что слово «демократия» превратилось в своего рода идола, а его навязчивое повторение везде и повсюду вызывает тошноту. Похоже, сегодня все уже просто боятся сказать хоть слово против демократии и считают необходимым хоть как-то заявить о своей демократичности. Особенно это заметно, если открыто заявить о нежелании участвовать в грязной игре. Политики пытаются оправдать свои уступки, измышляя различные эпитеты и призывая к подлинной, национальной или здоровой демократии. Актуальны слова Гете: «Трудно избавиться от вызванных духов».

Гуревич П. Все же надо отметить, что идеи Ю. Эволы особенно популярны среди откровенных националистов. Этого мыслителя в первую очередь интересовали мистические свойства человеческой природы. Нет сомнений в том, что в современной политике и экономике значительную роль играет государство. Без преданности государственной идее трудно рассчитывать на успех. Но, как подметил в свое время М.Е. Салтыков-Щедрин, не надо путать отечество с Его Превосходительством. Скрепам традиционного государства были верность и преданность. Это был принцип порядка и духовной власти. Но современное государство в европейских странах уже не заслуживает такой сакральности. Оно превратилось в корпорацию. Политики занимаются бизнесом, в результате сами ставят интересы личной выгоды выше государственных.

Буева Л. Социальные демагоги легко спекулируют на национальных проблемах. Нет сомнений в том, что после крушения идеологии «мультикультурализма» европейские страны столкнулись с рядом мучительных проблем.

Полным ходом идет азиатизация Европы. Представление о ликующем вхождении народов в процесс глобализации оказалось легковесным. Социальному демагогу нетрудно найти повод для мобилизации людей, ощущающих единство «почвы и судьбы». И все-таки любое этнически разнородное государство, к примеру, США или Германия, вряд ли способно взять на вооружение карту национализма. Даже если это преходящий лозунг дня, скажем, для победы на выборах или длительная кампания, риторика исторической особенности и державного превосходства ради национального единства уже не рекрутирует массы. Это, впрочем, не означает, что власть или оппозиция, мечтающая о власти, откажется от социальной демагогии вокруг «почвы и судьбы».

Саенко Г. А с каким цинизмом сегодня реализуется международная политика! И. Ильф в свое время иронизировал: можно, скажем, объявить войну Дании под очевидным

предлогом: зачем они замучили датского принца Гамлета? Но Гамлет — всего лишь фантазийный образ Шекспира. Это уже детали. Массы плохо представляют, где греза, где реальность. А вот про принца Гамлета слышали многие...

Гуревич П. Итак, сделаем некоторые выводы. Каковы же особенности современной социальной демагогии? Во-первых, она, по сути дела, перестала искать теоретическое обоснование. Прежняя опора на научное слово исчезло. Современный политик не утруждает себя подробными аргументами, чтобы продемонстрировать научную оснащенность. Власть стала циничной и прагматичной. Поток исследований по массовым идеологическим процессам заметно иссяк. Сегодня демагогические приемы никак не сопряжены с риторикой, с искусством красноречия. «Пипл хаваает» — это относится и к нашей теме.

Буева Л. Еще одна особенность современной социальной демагогии: Она перестала быть локальным явлением. То, что было частностью, стало универсальным. Мы живем в мире социальной демагогии. Мы дышим этим воздухом. Если бы сегодня появился политик, который стремится назвать вещи своими именами, он показался бы нам странным и эксцентричным. Демагогия — это не перечень приемов, а та общественная среда, в которой мы живем. Когда демагогия существует во всем, теряется иммунитет к ней.

Саенко Г. Вы правы. Представим себе утопию в духе Роберта Шекли. Некий инопланетянин прибыл на нашу планету и пытается понять нравы нашей страны. Ему, к примеру, кажется алогичным и абсурдным, что доходы у многих чиновников значительно превышают их зарплаты. Покрутив щупальцем вокруг виска, инопланетянин спрашивает: неужели вы, земляне, не понимаете, что они берут взятки?

Буева Л. Социальная демагогия никогда не исчезнет, но и не позволит ничему иному занять ее место. Образ сидящего человека, отмечает французский философ, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великолепных образов антропологии нашего века.

Саенко Г. Я понимаю вашу мысль, Людмила Пантелеевна, вы сетуете на безмятежность масс, которые позволяют социальной демагогии быть абсолютно безответственной. Всякой ложной идеологии рано или поздно приходит конец. Она наказуема. Немецкий философ Карл Ясперс наглядно показал, что возмездие в социальной практике приходит обычно неожиданно и неотвратимо. Социальная демагогия, став надежным политическим инструментом, теряет трезвость и, в конечном счете, подрывает сама себя.

Гуревич П. Несомненно, затронутая нами тема не только актуальна, но и предельно значима. Представители власти много говорят о том, что нашему обществу нужна идеология. Нет сомнений в том, что выработка стратегии общественного развития — животрепещущая тема. К сожалению, мировоззренческий вакуум заполняется не открытым и честным разговором с народом о серьезных проблемах, которые встали перед нашим обществом, а суррогатом социальной демагогии.

Общественность тревожит упадок науки и образования, демографический кризис, ухудшение качества жизни. Она разочарована тем, что власть не слышит и не хочет слышать ее голос. Один из опорных мифов современной социальной демагогии в стереотипном представлении, будто в России сформировался слой «новых менеджеров», деятельность которых вызывает критику консерваторов, привыкших к прежним управленческим навыкам. Можно ли вернуть статус великой державы, если поставить на поток социальную демагогию? Безусловно, правы те эксперты, которые показывают, что социальная демагогия распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствия в каждой скважине и щели. Эта ржа проникла во все сферы социальной жизни. В обществе зреет твердое убеждение в том, что мнимая забота о стабильности, качестве образования, эффективности науки, укреплении обороноспособности страны является просто густой дымовой завесой для социальной демагогии. Мы живем в

постоянном воспроизведении фантазмов, образов, мечтаний. Такой политический столбняк, такая инерция опасны. Власть, похоже, сама уверовала в то, что жизнь развивается именно в тех берегах, в которых полощется социальная демагогия.

Исследования показывают, что при отсутствии оригинальной политической стратегии) при невозможности разумного управления социальными отношениями государство теряет свою социальную сущность. Оно уже не функционирует в соответствии со своей волей, им управляет шантаж, устрашение, притворство, провокации или показные хлопоты. Социальная система, как и биологическое тело, теряет свою естественную защиту по мере ее подделки и замены.